

B.C. МАРТЬЯНОВ

Города и государства: в поисках новой стратегии взаимодействия*

Формирование современной политической карты мира в виде централизованных наций-государств привело к снижению политico-экономического влияния городов с их последующей инкорпорацией во властные вертикали наций-государств на уровне местного самоуправления. Однако в условиях глобализации наблюдается новый экономико-политический подъем сетей мировых мегаполисов. Мировая экономика трансформируется в экономику городов, производящих 70% глобального ВВП и генерирующих 80% мирового экономического роста. Их ресурсные сети и коммуникации все чаще рассматриваются как эффективная инфраструктурная и управлеченческая альтернатива дробящимся государствам. При этом статистический анализ показывает неоднозначность процессов мировой урбанизации. Если сети мировых городов постиндустриального мира преимущественно извлекают выгоды из экономической глобализации, то взрывообразный демографический рост мегаполисов развивающихся стран концентрирует ее негативные издержки, демонстрируя эффекты нарастающей поляризации обществ. Растет запрос на пересмотр сложившихся форматов существования влиятельных мегаполисов и территориальных моделей управления государств. Конкретные социокультурные настройки моделей развития сетей городов внутри государств будут серьезно корректироваться их положением в мироэкономике.

Ключевые слова: мегаполис, глобальный город, сеть городов, экономика города, противоречия урбанизации, мироэкономика, нация-государство, социальный капитал, детерриториализация, неравенство.

DOI: 10.31857/S086904990005094-5

Взаимодействие современных государств и городов: от национально-индустриального к позднему Модерну

Глобальное доминирование на политической карте мира территориальных государств имеет серьезные основания. Доля ресурсов ВВП, контролируемых государственными аппаратами, в течение XX в. увеличилась в три-четыре раза. Например, в странах Евро-19 доля госрасходов в ВВП составляла в 2016 г. 47,7%, в США – 42,5% (2010), в России 36,8% (2015), а по альтернативным оценкам ФАС реальная доля российского государства в экономике достигает 70% [Федеральная... 2016]. Контролируя от 20% до 90% (в среднем 30%) национальных расходов в разных регионах мира, политическая форма государства не может быть нивелирована при анализе роста потенциального влияния мировых мегаполисов. Политическое и экономическое значение государств как механизмов перераспределения

* Статья подготовлена при поддержке исследовательского проекта Института философии и права УрО РАН № 18-6-6-9 “Фундаментальные проблемы правовой и морально-политической регуляции современных обществ в национальном и глобальном аспекте”.

Мартынов Виктор Сергеевич – кандидат политических наук, доцент, заместитель директора Института философии и права УрО РАН. Адрес: 620990, Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, д. 16. E-mail: martianovy@rambler.ru

общественных ресурсов трудно переоценить в условиях, когда “для беднейших 20% жителей в целом преуспевающего мира ОЭСР стоимость государственных услуг равна 70% их доходов в денежном выражении, а для самой обеспеченной пятой части населения – 17% денежных доходов” [Терборн 2013, с. 34].

Ведущая роль наций-государств подкрепляется не только известной гипотезой А. Вагнера об опережающем росте общественного (государственного) сектора относительно общего экономического роста в условиях индустриальной модернизации, подтверждаемом мировой статистикой с конца XIX в. [Некорошев, Сухарев 2012]. Очевидна возможность государств достаточно эффективно отвечать на вызовы негосударственных акторов глобальной экономики, прежде всего сетей глобальных городов и ТНК. Для контроля глобальных взаимодействий и создания единых правил на глобальных рынках государства способны аккумулировать необходимые экономические ресурсы и вырабатывать согласованные политические стратегии, правовые пространства и торговые режимы на площадках ООН, ВТО, ЕС, МВФ, БРИКС, АСЕАН, G-7 и G-20, а также иных международных и региональных объединений.

Вместе с тем общее движение современных обществ от первоначального национально-индустриального Модерна к позднему, или глобальному, Модерну вновь катализирует расширение потенциальных источников власти, когда политические акторы, которые казались ранее атрибутами исторического прошлого, вновь реанимируются в качестве серьезных оппонентов наций-государств, образующих привычную политическую карту мира. Все более значимую долю в управлении ресурсными потоками современных обществ перехватывают альтернативные субъекты – ТНК; сети городов; локальные самоуправляемые сообщества и общины, действующие вне сферы дисциплинарного контроля государства, – теневая экономика, мафия, гаражная экономика и распределенные мануфактуры (С. Кордонский), отходники (Ю. Плюсин), фрилансеры и т.д. Подобные акторы успешно паразитируют или элементарно выживают (в зависимости от перспективы взгляда на этот феномен) в контексте усиливающихся проблем современных государств, связанных с обоснованием легитимного насилия, поддержанием стандартов жизнеобеспечения граждан в контексте неуклонного ограничения функций социального государства и контролем доступных ресурсов внутри и за пределами своих юрисдикций. В то же время перечисленные выше негосударственные субъекты все чаще успешно перекладывают ряд обязательств по отношению к вовлеченным в них гражданам, трансакционные и институциональные издержки на государство, что обеспечивает их превосходство в эффективности извлечения разного рода ресурсов.

Доминирующий политический формат наций-государств начал формироваться лишь в результате слома *ancien régime*, когда к двум необходимым историческим признакам государства – территории и властному аппарату, добавился третий – население, выступающее в качестве нации новым источником суверенитета и целью современного государства. При этом, несмотря на текущее преобладание политической формы нации-государства, ее будущее уже омрачено новыми вызовами и угрозами. Например, предсказаниями футурологов о грядущих изменениях принципов структурирования глобальной политической системы, где нациям-государствам бросают вызов политические форматы нового типа [Бек 2008; Хардт, Негри 2004], поднимающиеся цивилизации [Хантингтон 2003], транснациональные корпорации [Панкевич 2012] и сети все более автономных от своих национальных пространств глобальных городов как организующих узлов, но уже не национальных экономик, а единого глобального рынка [Слука 2005; Sassen 2001; World cities... 1995].

Подобные прогнозы имеют некоторые основания, обусловленные тем, что *территориальные государства* с четкими границами и условиями гражданства, сложившиеся как централизованные бюрократические механизмы силового перераспределения ресурсов и мобилизации массовых армий, в условиях глобального капитализма претерпевают неизбежные трансформации. Последние связаны с тем, что в условиях расширения и доминирования рыночных коммуникаций ключевым ресурсом модернизации общества вместо

аккумулированных государством податей и налогов становятся *частная прибыль и рента*, генерируемая частными и юридическими лицами как цель экономической деятельности. Одновременно государство теряет влияние как субъект исторической модернизации, в том числе в определении ее целей и выборе средств.

В результате государства для сохранения базовых функций легитимного насилия и распределения ресурсов вынуждены переносить акцент с привычных, но все менее эффективных исторических способов *модернизации через изъятие ресурсов* на задачи, связанные с *опосредованным* поддержанием модернизационного потенциала общества. Эти задачи все чаще начинают решаться не столько через *прямое перераспределение ресурсов* государством, сколько посредством косвенных механизмов обеспечения благоприятного институционального дизайна для функционирования экономического и политического рынков. Если первоначально территориальные государства были механизмом авторитарной модернизации, обеспечивающим базовые гарантии суверенитета и безопасности граждан (защита от внешней агрессии, поддержание правопорядка), то в настоящее время эти приоритеты считаются недостаточными, смещаясь в пользу более широких потребностей, обеспечиваемых моделью *социального государства*. В связи с этим государство легитимируется и как механизм сокращения генерируемого рынком неравенства, обеспечения социальной справедливости. Здесь легитимация изъятия ресурсов осуществляется уже не столько защитой от угроз, сколько деятельностью, направленной на обеспечение достойного существования граждан.

Все более значимыми и незаменимыми становятся сервисные функции государства, связанные с повышением совокупного социального капитала конкретного общества, прежде всего через приоритетное развитие систем образования, науки и здравоохранения [Фалина 2012]. Кроме того, сама территория как ресурс государства в условиях технологического прогресса теряет былую ценность. Весь XX в. наблюдается тенденция к дроблению территориальных государств¹, когда функциональными оказываются все более мелкие формы. И эта глобальная тенденция продолжает действовать далее, за частными исключениями. Например, в виде Европейского союза, испытывающего нарастающие трудности в дальнейшей политической интеграции.

Неоднозначные фоновые процессы, определяющие трансформацию современных государств в миросистеме позднего Модерна, в наибольшей концентрации выражены в больших городах. Это – следствие формирования глобальных рынков, исторической неодновременности урбанизации и демографического перехода в разных регионах мира, мировых миграционных процессов, изменения технологического уклада мироэкономики и т.д.

Раннемодерные города изначально сосредоточивают в себе важнейшие проблемы исторического развития, выгоды и издержки перехода к Модерну с его дальнейшими трансформациями. Взрывной рост городов, связанный с индустриализацией и массовой урбанизацией Запада XIX–начала XX в., фактически совпал с институциализацией общественных наук, приоритетным предметом которых было осмысление проблем нового городского общества. Новые индустриальные города стали пространственно сконцентрированным капитализмом, а их сети – ключевой опорой для дальнейшего проникновения рыночных коммуникаций в территориальное сообщество. Однако капитализм, возникнув в городах, постепенно начал охватывать и разного рода географические, культурные, социальные периферии. При этом возникла новая проблема – согласование капитализма с политическими, моральными, культурными механизмами удержания общества от распада, которые не могли более сводиться в раннеевропейском Модерне к традиционным (христианским) ценностям.

Выяснилось, что саморегуляция капитализма – утопия применительно к другим сферам жизни общества и что он не может существовать сам по себе, а тем более вос-

¹ На протяжении XX в. число государств выросло в три раза, с 60 до 193, не считая *непризнанных государств* [Заяц 2002].

производить общество без внеэкономической регуляции, связанной с государством, которую спешно списывают со счетов в рамках неолиберального дискурса. В данной ситуации города демонстрируют как наивысший уровень экономического роста и социальных инноваций, так и увеличение в связи с этим экономического неравенства, числа классовых конфликтов и культурных противоречий.

При этом фундаментальной проблемой является невозможность элиминировать опасную для национальных политических элит и порядков политическую и экономическую субъектность городов. Города включаются во властные иерархии и вертикали современных государств лишь на нижнем уровне местного самоуправления (за немногими исключениями, относящимися в современном мире, как правило, к столицам). Подобная территориальная закрепленность городов преувеличивает искажает власть места в оценке ресурсного потенциала и коллективного социального действия, вырабатываемого в городах, в противовес концепциям, оценивающим потенциал города в перспективе его роли в тех или иных *ресурсных сетях* – региональных, национальных, глобальных.

Более того, сети городов исторически образуют естественные локусы *гетеротопии* и *гетерархии* (дифференции, вызовов и прерывности пространственного и властного порядков) в рамках государств, выступая в качестве опорных координат для альтернативного государствам политического формата, выстраиваемого по принципу контроля не столько территории, сколько стратегических опорных точек сети. Поскольку с окружающими периферийными территориями и национальными контекстами *глобальные города* и крупные мегаполисы имеют все менее плотные связи по сравнению с другими звенями глобальной (или национальной) городской сети, в том числе находящимися в иных национальных юрисдикциях. Подобная логика расширяющегося воспроизведения *сетей мегаполисов* принципиальным образом расходится с включением городов в государственную управленческую логику территориального освоения природных и человеческих ресурсов.

Новейшие комплексные процессы мировой урбанизации, формирования глобальных рынков и быстрого распространения технологий привели к резкому подъему политico-экономического потенциала городов. Если в 1950 г. численность городского населения в мире составляла 28,8%, а в 2009 г. городское население Земли сравнялось с сельским, то по медианному прогнозу к 2050 г. доля горожан вырастет до 66%, а в 2100 г. – до 85% (<http://esa.un.org/unpd/wup/index.htm>). В 2014 г. 300 крупнейших городов мира производили почти половину (47%) мирового ВВП, представляя 20% мирового населения (<http://esa.un.org/unpd/wup/Highlights/WUP2014-Highlights.pdf>).

Экономическая активность городов обеспечивает 55% ВВП слаборазвитых, 73% ВВП среднеразвитых и 85% ВВП высокоразвитых стран. В настоящее время 80% мирового экономического роста генерируется в городах, и эта цифра будет только расти (<https://unhabitat.org/books/urbanization-and-structural-transformation/#>).

Города, концентрирующие по данным 2017 г. 55% населения мира, занимают лишь 2% площади земной поверхности. Это неизбежно ведет к переоценке экономической и политической значимости ресурса территории как фундамента современных государств. Развиваются многомиллионные городские агломерации, города-регионы и города-государства. Усложняются все более дифференцированные системы городского самоуправления, зачастую *de facto* образующие *государство в государстве*. Увеличивается число государств, столица которых или несколько крупнейших городов генерирует 50% и выше странового ВВП. При этом воистину экстремальные разрывы по вкладу в ВВП, достигающие 100–400% между жителем центрального города и остальным населением страны, наблюдаются в полу- и периферийных странах. Такова, например, Киншаса (Демократическая Республика Конго), дающая 85% национального ВВП, Кабул – 65% (Афганистан), Буэнос-Айрес – 64% (Аргентина), Манила – 47% (Филиппины) и др. (<http://wcr.unhabitat.org/wp-content/uploads/2017/02/WCR-2016-Full-Report.pdf>).

В подобных случаях вопрос о том, являются ли указанные города составным элементом современных государств или постоянно дробящиеся государства превращаются в территориальную периферию для эксплуатации и реализации экономико-политических приоритетов центральных городов, как минимум, дискуссионен. Данные тенденции свидетельствуют о повсеместном расширении субъектности и влияния крупных мегаполисов. Таким образом, рост ресурсного веса мегаполисов в современных обществах неизбежно ведет к коррекции их политического, экономического и правового статуса в рамках системы государственного управления. В периферийных обществах мироэкономики мегаполисы нередко становятся источником генерации общественных вызовов и угроз. В обществах центра мироэкономики мегаполисы чаще выступают донорами государственного бюджета, заинтересованными в дальнейшем расширении своей автономии.

Таблица
**Экономико-демографические показатели российских миллионников
в региональном контексте**

Город-миллионник РФ	Численность населения (тыс. чел.)	Доля города в населении региона (в %)	Доля города в обороте розничной торговли региона (в %)
Москва	12330	62,2*	69,2*
Санкт-Петербург	5226	74,2**	78,3**
Новосибирск	1584	56,8	84,1
Екатеринбург	1478	34,2	63,3
Нижний Новгород	1276	39,1	58,5
Казань	1217	31,2	52,4
Челябинск	1192	34,1	55,3
Омск	1178	60,1	84,5
Самара	1171	36,7	55,6
Ростов-на-Дону	1120	26,5	42,2
Уфа	1111	27,3	56,5
Красноярск	1068	37,1	67,6
Пермь	1042	39,7	65,1
Воронеж	1032	44,2	63
Волгоград	1016	40,3	61,8
Итого по 15 городам-миллионникам (от общероссийского показателя)	33041	22,6	65,3

* Москва вместе с Московской областью

** Санкт-Петербург вместе с Ленинградской областью
(Составлено на основании данных Росстата на 1 января 2016 г.).

Противоречива аналогичная структурная ситуация развития современных крупных городов и на региональном уровне государств, корректируемая их близостью к центру/периферии капиталистической миросистемы. В российском случае статус таких крупных региональных центров, как Новосибирск, Ярославль, Ульяновск, Томск, Омск, Астрахань и др., как зависимых структур управления по отношению к субъектам Российской Федерации, где они концентрируют половину и более населения и еще больший объем ВРП, выглядит все большим управленческим архаизмом. Например, за исключением Ростова-на-Дону все города-миллионники имеют в обороте розничной торговли региона долю, превышающую 50% (см. табл.). *Многие российские регионы в контексте реальной структуры экономических, культурных, демографических процессов превращаются лишь во властные надстройки, перераспределяющие ресурсы городов наверх – в пользу государства, или вниз – для дотируемых периферий этих регионов.* Подобная структура власти способ-

ствует региональной стагнации, в которой ведущие города из драйверов развития преобразуются лишь в доноров территориального социально-экономического выравнивания.

С одной стороны, экономики развитых стран становятся все тождественней экономике городов, с другой – механизмы смягчения неравенства и издержек роста остаются за социальным государством, на которое возложена функция поддержания доступа большинства граждан к социальным благам. Этот доступ подкрепляется эгалитарными ценностями (справедливость, равенство, солидарность и т.д.) в перераспределении общественных ресурсов. Поэтому современные города и государства демонстрируют постоянно корректируемое *ценностно-институциональное напряжение между задачами роста, связанными с увеличением неравенства, и внеэкономическим распределением, призванным снизить это неравенство*. В результате актуализируются задачи поиска оптимального равновесия между экономическим развитием и его явными и скрытыми издержками – какой ценой и за чей счет оно осуществляется; какие социальные слои понесут наибольшие затраты и во имя каких целей. В настоящее время это равновесие потенциалов, особенно в странах периферии, нарушается все больше, обозначая проблему поиска новых форматов динамического равновесия возвышающихся городов и дробящихся государств, все интенсивнее включенных в контекст мироэкономики.

Перспективы развития современных обществ все чаще обусловливаются стратегиями дальнейшей трансформации городов и их сетей. Крупные мегаполисы – это не только место социально-политического экспериментирования и вызова государствам, но и важный механизм эволюции наций-государств, представляющий в сконцентрированном виде слепок большого национального общества. И от того, насколько успешно крупные города вырабатывают стратегии разрешения разнообразных конфликтогенных ситуаций [Штадельбауэр 2007], сглаживания социально-экономического и пространственного неравенства, расширения доступных возможностей для всех горожан, во многом зависят черты общей модели управления позднемодерным обществом.

Тенденции трансформации городов в глобальном мире

Структура глобального экономического, культурного, политического взаимодействия становится все более экстрапротерриториальной, выстроенной не столько в виде иерархизированных и централизованных ресурсных обменов внутри и под контролем отдельных государств, сколько в виде коммуникаций, охватывающих юрисдикции разных государств [Панкевич 2013]. Стоит отметить, что после 1995 г. рост мирового населения осуществляется исключительно в форме прироста городского населения, в первую очередь мегаполисов, концентрирующих все большее количество переселенцев и мигрантов. Этот прирост происходит прежде всего за счет развивающихся стран, так как в развитых странах процесс урбанизации фактически завершился, достигнув отметки в 75–90% от общей численности населения. Например, в России городское население составляет 73,8% (2011), а среднегодовой темп урбанизации в 0,13% с прогнозом достижения доли городского населения к 2050 г. в 81%. Это позволяет утверждать о завершении волны урбанизации, связанной с переходом страны в XX в. к городскому обществу (<http://esa.un.org/unpd/wup/Highlights/WUP2014-Highlights.pdf>). В настоящее время Россия характеризуется апогеем концентрации населения в мегаполисах, что соотносится с этапом завершения зрелой урбанизации по Дж. Джиббсу, с последующей деконцентрацией мегаполисов и выравнивания темпов их развития со средними и малыми городами [Gibbs 1963].

Города – не только средоточие потребительского спроса глобальных рынков, но и место концентрации растущей сферы услуг, в которой находит занятость все большая часть трудоспособного населения. Городская экономика услуг и сервиса, науки и образования вытесняет аграрные и индустриальные сектора экономики как по количеству занятых, так и по величине генерируемого дохода, и она будет расширяться вместе с экономической ролью городов. Уже сейчас в мировой сфере услуг занято 43% работающих, которые про-

изводят 62,4% глобального ВВП, в сравнении с 31,1% – долей, производимой в индустрии, и 6,5% – в сельском хозяйстве (<https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/xx.html>). В результате индустриальные города как привычные места концентрации крупных производств претерпевают серьезные трансформации. Деиндустриализация мегаполисов развитых стран, глобальный перенос производств и расширение аутсорсинга, рост мобильности капитала, производительности труда и его роботизация, усиление конкуренции между мегаполисами за ресурсные потоки привели к увеличению социальных издержек экономического роста, связанного с расширением городского неравенства и безработицы. Происходит изменение социальной структуры городского населения и факторов его стратификации, все менее связанных с разделением труда и оборотом капитала на свободных рынках. Наблюдается общее увеличение социальных слоев, существующих на рентные доходы или социальные пособия, в то время как численность людей, получающих трудовой доход, неуклонно сокращается. Сокращается и доля этого вида дохода в общей структуре доходов населения.

В данном контексте оптимистический прогноз состоит в том, что общества периферии мироэкономики начнут совершать форсированную урбанизацию, модернизацию, переходя к низкой рождаемости. В результате радикальное социально-экономическое неравенство капиталистической миросистемы будет снижаться. Более того, в долгосрочной перспективе возникают контуры взаимосвязанного *плоского мира*, в котором каждый человек, город, регион, страна впервые получают все возможности стать успешными акторами на конкурентных и круглосуточно работающих глобальных рынках [Фридман 2007]. Однако историческая статистика мирового развития более пессимистична. За последние 200 лет, начиная с промышленной революции, глобальное неравенство между обществами и внутри них непрерывно усиливается, будучи оборотной стороной развития и прогресса. После краткого *славного тридцатилетия* (1945–1975), зафиксированного эгалитарные тенденции в доходах населения государств центра мироэкономики, наступило *бесславное сорокалетие*, когда коэффициент неравенства доходов Джини демонстрирует новый устойчивый рост глобального неравенства. Текущий глобальный Джини – 0,7 – значительно превышает уровень неравенства внутри отдельных стран (Бразилия – 0,57, США – 0,41, Россия – 0,4, Франция – 0,33).

В этих условиях самым эффективным способом, позволяющим индивиду улучшить свое экономическое положение и жизненные перспективы, оказывается переезд в другой регион или даже страну. Внутренние и межстрановые миграционные потоки радикализируют конфликты в зонах, где географически периферии и центр капиталистической миросистемы наиболее близки (акватория Средиземного моря, граница Мексики и США и т.д.). И эти потоки текут в города-реципиенты развитых стран, поскольку высокотехнологичное сельское хозяйство неумолимо сокращает рабочие места вне городов. Неиссякемость этих потоков предопределена тем, что если в 1870 г. социальное неравенство на две трети определялось принадлежностью человека к определенному *классу*, то в 2000 г. оно на две трети определяется проживанием в бедной или богатой стране.

Таким образом, классовые формы социально-экономического неравенства активно вытесняются пространственными. В подобной ситуации гражданство определенной страны и даже проживание в определенном ее городе зачастую фактически становится формой прямого доступа большинства к значимой политической ренте или, наоборот, отлучения от нее. Поэтому, когда бедные слои богатых стран более обеспечены, чем средние слои бедных стран, факторы классовой солидарности и поддержки становятся менее значимыми, а национальный протекционизм все более выраженным. В частности, 5% беднейших граждан США имеют доходы выше, чем 60% населения мира, лишь благодаря факту своего гражданства [Миланович 2014].

Механизмы сглаживания неравенства в виде модели *социального государства* работают все хуже даже в развитых странах. А предполагавшийся перенос этой модели как *естественной* на весь остальной мир наталкивается на все большее количество огра-

ничивающих факторов, предопределяя дальнейший рост межстранового и регионального неравенства. Уже явно просматривается, что повышение давления международной миграции вызывает сопротивление политических сообществ – реципиентов миграции, их стремление снизить уровень конкуренции за рабочие места и социальные пособия в своих странах.

Радикализация неравенства в глобальном развитии городов: закономерность или временное отклонение?

Классическая индустриализация позволяла дать на фабриках и заводах новые рабочие места *лишним людям* в городах. Новый технологический переход, связанный с автоматизацией и роботизацией экономики, накладывается на глобально незавершенный индустриальный переворот. Сокращение рабочих мест в сельском хозяйстве стран полупериферии и периферии мироэкономики заставляет людей переезжать в мегаполисы в надежде получить работу. Однако новые кластеры высокотехнологичной экономики уже не требуют массовой занятости и не могут компенсировать рост безработицы в более традиционных секторах.

Соответственно, оптимистичная европейская городская футурология неизбежно корректируется антиутопической повседневностью взрывообразно растущих городов на периферии капиталистической миросистемы. Эти города демонстрируют накопление бедности, социальных проблем и нерешаемость основных инфраструктурных вопросов управления городским развитием [Дэвис 2008]. *За пределами центра миросистемы мегаполисы стран третьего мира существуют в виде географически сконденсированной периферии со всеми ее социально-экономическими проблемами.* Многомилионный поток мигрантов превращает мегаполисы на периферии капиталистической миросистемы отнюдь не в *глобальные или креативные* города, но в источник постоянных вызовов для периферийной государственности.

Города полупериферии и периферии миросистемы дают лишь призрачную надежду на лучшие жизненные перспективы для переселенцев из сельской местности и мигрантов. Представление мигрантов о том, что на городском рынке труда легче найти работу, часто оказывается мифом. В результате переселенцы либо претендуют на социальные пособия по безработице, либо уходят в серые, криминализированные сферы городской экономики, объемы которых часто превосходят долю экономики, контролируемой периферийным государством. Новые горожане начинают рассматриваться как *лишние люди*, требующие практически пожизненных дотаций и пособий. Поэтому общая социально-экономическая география города не препятствует его радикальной классовой сегрегации.

Не обусловленный экономическими потребностями рост численности населения городов при пропорциональном снижении доли занятых в белой экономике оборачивается феноменом *ложной урбанизации*. Наконец, подобная фиктивная урбанизация перестает быть связанной с индустриализацией, повышением производительности труда и ростом благосостояния городского населения слаборазвитых стран, соотносимого для большинства с уровнем биологического выживания. Благодаря внутренней миграции более трети населения мегаполисов за пределами стран центра миросистемы состоят из обитателей трущоб, образуя плохо контролируемое государственными структурами параллельное пространство самоуправления и выживания. В частности, в странах Африки в 1970–1995 гг. городское население росло темпами 4,7% в год, в то время как среднедушевые доходы падали на 0,7% в год. При этом трущобы становились местом жительства большинства городского населения африканских стран, где до 70% взрослых горожан не имели постоянной работы и источников дохода, создавая феномен урбанизации бедности [Абрамова 2013].

Таким образом, численный рост и экономическое развитие, а тем более улучшение человеческого потенциала крупнейших мировых городов не только не тождественны, но и часто противоречат друг другу. Глобальным городам центра миросистемы, производящим наибольшую прибавочную стоимость, чье количество и население в последние годы почти

не растет (Лондон, Нью-Йорк, Париж, Токио и т.д.), противостоят более многочисленные, но при этом вовсе не глобальные города периферии, концентрирующие в своих трущобах, бидонвильях и фавелах безработное население, которому нет места в глобальной экономике. Города наполняются *опасными классами* – безработными, людьми с неустойчивой занятостью, которые не имеют возможностей улучшения своих жизненных перспектив, стремительно пополняя ряды *прекариата* [Стэндинг 2014]. Форсированная периферийная урбанизация, не расширяющая общую занятость и рынки труда, создающая низкооплачиваемые рабочие места обостряет и концентрирует в мегаполисах социально-экономические противоречия.

Для этих *мегаполисов нищеты*, лишенных внутренних источников развития и сконцентрированных лишь на выживании в состоянии постоянно прибывающего населения, возрастает значимость внешней регуляции и привлечения дополнительных ресурсов со стороны государства. При этом индивидуальные стратегии выживания таких *заложников города*, скрытые в сферах *теневых институтов*, часто не поддаются контролю и, соответственно, регуляции, практически не учитываются городскими планами развития. Объемы неформальной экономики в национальном валовом продукте развивающихся стран сопоставимы с *белыми* экономическими секторами [Брагина 2009]. В результате создание в городском сообществе эффективного диалога между значимыми социальными группами, выработкой универсальных культурных норм и практик оборачивается все большей конфликтностью. Накопление социокультурных различий и радикализация экономического неравенства рано или поздно выходит на политический уровень, дестабилизируя ценностно-институциональные основы существования развивающихся государств.

Таким образом, в глобальном мире наблюдаются *противоречивые тенденции городского развития*. В странах центра капиталистической экономики структурная безработица и негативные эффекты урбанизации смягчаются механизмами социального государства. Однако города полупериферии и периферии миросистемы из ожидаемого авангарда социального и технологического прогресса превращаются в центры скопления огромных масс разочарованных людей, не могущих самостоятельно обеспечить себе достойное существование. Рыночная стратификация социальных групп перестает доминировать. Усиливаются рентные механизмы перераспределения общественных ресурсов, связанные с закрытыми институтами, государством и личным доступом [Мартынов 2016]. В городах все более отчетливо выстраиваются новые иерархии социальных групп на основании доступа к разного рода внеэкономическим ресурсам. Новая сословность фиксируется территориально, городские районы выстраиваются как непересекающиеся социальные пространства.

В подобном контексте экономическая эффективность и универсальность модели сетей *глобальных городов* оказывается амбивалентной. Это *прогресс для немногих*, усиливающий неравенство и территориальную сегрегацию. Это рост, оборачивающийся еще большими социальными издержками, которые города стремятся переложить на национальные государства и окружающие географические пространства с помощью асимметричного обмена ресурсами. И если в развитом мире такая компенсаторная стратегия еще возможна, то на периферии мироэкономики города остаются со своими проблемами наедине.

Соответственно, транснациональные сети *глобальных городов*, все чаще выходящие из под контроля национальных юрисдикций, оказываются чрезмерно утопичными в качестве механизма коррекции глобальной политической системы наций-государств. Выстраивание глобальной экономической географии по опорным точкам сети *глобальных городов* представляется слишком редукционистским подходом. В то же время трудно отрицать эмпирически фиксируемое и растущее значение этой сети для целей генерации, концентрации и распределения транснациональных потоков глобального капитала, труда, технологий.

Вместе с тем хаотичное расширение периферийных мегаполисов подтверждает тенденцию общего исчерпания модернизационного потенциала урбанизации и глобализации рынков. Режимы свободной торговли постепенно сменяются повсеместным усилением национализма и протекционистской политики в условиях прогнозируемой многими экономистами затяжной рецессии, которая в логике *пределов роста* охватит весь мир к середине XXI в. (<http://www.oecd.org/economy/Policy-challenges-for-the-next-fifty-years.pdf>). Более закрытыми становятся государства, занимающие центральное положение в капиталистической миросистеме. Асимметрия неравенства неизбежно усиливает миграционное давление на клуб избранных стран.

Таким образом, жизнестойкость государств все более определяется как целенаправленным планированием развития городов в контексте долгосрочных приоритетов национального развития, так и усилением механизмов самоуправления на уровне самих городов. Объективный рост экономической значимости городов вызывает потребность в новой модели эффективной децентрализации и входит в противоречие с территориальной иерархией управления государств и приоритетами налоговой политики. Например, в России в 1999 г. доля муниципалитетов в расходах консолидированного бюджета составляла 21,4%, а в 2011 г. лишь 6,7%. При этом доля налоговых поступлений в муниципальные бюджеты упала за этот же период с 69,7% до 31,65%, в то время как доля *трансфертов лояльности* из вышестоящих бюджетов увеличилась с 26,7% до 58,4%. [Молчанова, Татаркин 2012].

Казалось бы, в интересах центральных правительств поддерживать изменения растущего потенциала городов, модернизируя и адаптируя территориальные административные структуры, чтобы лучше отражать потребности агломераций и использовать их потенциальные ресурсы для общего роста. Например, делегировать городам дополнительные полномочия и финансовые ресурсы для их обеспечения, оставляя за собой функции стратегической координации. Однако, несмотря на серьезные изменения структуры и факторов дальнейшего развития современных обществ, *национальные правительства, как правило, отказываются от передачи вниз даже частных вопросов регулирования, предпочитая удаленное, но все менее эффективное управление не городами и сообществами, но абстрактными территориями*.

Ограничение возможностей мегаполисов – моторов экономики и культуры современных обществ – замедляет развитие наций-государств, причем дальнейшее сохранение неизменных территориальных структур управления обходится государствам все дороже. Таким образом, нарастание противоречий между модернизационным потенциалом крупных городов (свыше 100 тыс. населения), в которых, например, производится 65% российского ВВП [Криничанский 2013], и сдерживание возможностей их самостоятельного развития в территориальной политической логике государства нарушает равновесие ключевых элементов управления современными политиями.

Значимый фактор достижения нового равновесия сетей городов и государств – изменение доминирующего типа урбанизации и трансформация внутренней инфраструктуры городов. Обнадеживающей тенденцией в мировом урбанистическом процессе может стать будущее снижение плотности населения мегаполисов, пока наблюдаемое в развитых странах, но в долгосрочной перспективе способное охватить остальной мир. Плотность населения в центрах мировых городов падает из-за превращения их в агломерации, либо периферия (субурбия) начинает развиваться активнее исчерпавшего пределы развития городского ядра. В процессе *субурбанизации* общая площадь и население городов растут, но при этом критическая плотность населения снижается, а сети малых и средних городов включаются в своеобразную эстафету в развитии и повышении качества жизни населения [Cox 2015].

Эта тенденция обусловлена как постиндустриализацией и выносом из городов массовых производств, так и агломерационными эффектами, связанными с развитием транспортной инфраструктуры, гибким и негарантированным графиком работы (флексibilizацией), аутсорсингом и сетевизацией труда, ростом популярности более дешевых для жизни, спокойных и экологичных пригородов. В постиндустриальном мире в случае выравнива-

ния экономической, географической, образовательной, информационной дифференциации доступа граждан к ресурсам, привлекательность мегаполисов для потенциальных мигрантов будет падать, а капитализация малых и средних городов, наоборот, расти. Наконец, указанный процесс облегчает реализацию *права на город* (Д. Харви) как более активного участия большинства горожан в своей общей судьбе.

При этом ожидаемое глобальное выравнивание темпов экономического роста и миграционных диспропорций между большими, средними и малыми городами в ходе разворачивающейся контурбанизации развитых обществ во многом входит в противоречие с тенденциями городского развития за их пределами. Нельзя не отметить, что схематичные оптимистические модели будущей деконцентрации периферийных мегаполисов, выравнивания темпов их развития с малыми и средними городами [Geyer, Kontuly 1993] и соответствующего снижения в них остроты социально-экономических, экологических, транспортных и иных проблем пока остаются лишь прогнозами, которые могут не сбыться за пределами государств центра мироэкономики. Динамические процессы территориальной концентрации и агломерирования (деконцентрации) городов в глобальном мире достаточно противоречивы, обусловлены в каждом макрорегионе фоновыми процессами территориальной мобильности населения, условиями труда, доступом к сырью, энергии, коммуникациям, самим изменением ценности указанных факторов и т.д.

Объяснение этих противоречий с позиций неодновременности мирового городского развития, когда разные регионы мира находятся на разных стадиях урбанизации, тоже имеет изъяны. Лишь очень немногие общества смогли прийти к стадии, связанной с деконцентрацией городского населения, и даже в них предсказанные моделью процессы стагнируют. Соответственно, прежде всего утверждать о ее всеобщем и неизбежном характере. Поэтому отдельные стадии урбанизации могут оказаться весьма устойчивыми во времени и даже самостоятельными структурными альтернативами для разных регионов мира.

Наконец, приостановка оттока ресурсов к мегаполисам сама по себе не означает реализацию альтернатив подобных иерархий в виде эгалитарных городских сетей, где города, расположенные на вершине пирамиды, не эксплуатируют в рамках центр-периферийной модели ресурсы нижних звеньев городских сетей. Субурбанизация и деконцентрация дают лишь шанс на более стабильный и эгалитарный социально-политический порядок, в значительной степени зависимый от иерархии ценностей и целей, доминирующей в конкретном политическом сообществе.

* * *

Актуальность проблем городского развития как важнейшего *спящего* ресурса российской модернизации давно не вызывает сомнений не только в научном сообществе, но все чаще становится предметом политического дискурса. Не случайно в Послании Президента РФ В. Путина Федеральному Собранию 2018 г. впервые был сделан особый акцент на необходимость повышения роли городов и их сетей в пространственном и инфраструктурном развитии России [Путин 2018]. Несколько раньше указанный тренд озвучил (будучи на тот момент главой “Центра стратегических разработок”) А. Кудрин, обративший внимание на потребность развития в России 15–20 агломераций мирового уровня (<https://www.csr.ru/news/goroda-kak-tsentry-novoj-industrializatsii/>).

В современных государствах крупнейшие города существуют как ключевые институциональные механизмы модернизации, инноваций и выработки общезначимых социальных норм и инноваций. Именно в городах становится возможна как индивидуальная автономия граждан, так и эффективность организованных коллективных действий, влияющих на приоритеты управления. В то же время современные мегаполисы, рассматриваемые как социальные лаборатории будущего, демонстрируют антидемократические тенденции: радикализацию внутригородского неравенства, превращение города из *сообщества* в функциональное *место* извлечения прибыли, эксплуатации и всеобщего

отчуждения. Мегаполисы же периферии миросистемы демонстрируют еще более удручающие тенденции, связанные с господством анархии и теневых институтов, худшие модели *обесчеловечивания* города в странах третьего мира. Отсутствие или минимизация инфраструктурных и налоговых обязательств перед городским сообществом составляет своеобразную дополнительную ренту, когда высокий миграционный оборот *in/out* превращает города из политических сообществ в площадки для *конкуренции на понижение* на глобальных рынках труда. В этом смысле историческая уникальность, политическая автономия и культурное разнообразие мегаполисов, включенных в контексты периферийной государственности, для мироэкономики стирается. Города становятся легко взаимозаменяемыми в качестве места найма рабочей силы для транснационального капитала. А коллективные усилия по отстаиванию интересов *людей труда* часто оборачиваются лишь сокращением местного рынка занятости в пользу альтернативных *точек доступа* на глобальный рынок.

Это может привести к тому, что в ближайшем будущем сети городов (в том числе *глобальные города*) не смогут серьезно трансформировать доминирующую политическую форму государства. Тем не менее их роль в современных социумах закономерно будет расти. Усиливать значение городов будет и прогнозируемая экспертами в долгосрочной перспективе модель глобального общества без ощутимого экономического роста. В результате развитие общества и экономический рост перестают быть привычными синонимами, особенно в рамках неолиберальной риторики. Соответственно, будет расти запрос на совершенствование внеэкономических составляющих прогресса обществ, вырабатываемых преимущественно в городах.

Каждое общество в контексте мироэкономики будет вынуждено искать более тонкие социокультурные настройки собственной модели *сервисного государства*, преимущественно ориентированного на предоставление гражданам более дешевых и эффективных публичных услуг, на упрощение доступа к социальному капиталу в качестве факторов дальнейшего развития. Именно города превращаются в опорную сеть постиндустриальных экономик, где сконцентрирован человеческий капитал, новые социальные образцы и технологии, что предполагает вероятное делегирование мегаполисам части функций, полномочий и ответственности системы государственного управления, а также повышение их статуса в территориально-административной системе. Эта модель вписывается в общую тенденцию децентрализации современных государств, которую подтверждают процессы *субурбанизации* и повышения роли *региональных центров*, а также расширение агломераций как взаимовыгодного втягивания крупными городами в свое экономическое пространство пригородов, близлежащих малых и средних городов [Мартынов, Руденко 2012; Трейвиши 2009].

В настоящее время можно наблюдать, как внутри России как полупериферийного региона миросистемы оформляются противоречия глобального плана. Фактически *первая Россия* (Н. Зубаревич), образуемая сетью мегаполисов, по многим показателям относится к позднемодерным обществам. Однако ценой этого приближения стала стагнация в развитии окружающей ее периферии. В случае своей реализации модель деконцентрации субъектовластной вертикали, перенос управлеченческих акцентов с *территорий на сообщества* позволяет российским мегаполисам разомкнуть “архипелаг” *первой России*, выстроенный среди пустынных географических периферий по донор-реципиентной модели, и более эффективно использовать потенциал возможностей городского развития, связанный с деконцентрацией мегаполисов [Трейвиши 2009]. В перспективе глобального усиления внеэкономических целей и факторов общественного развития российские мегаполисы, во многом являющиеся преемниками советских индустриальных городов, постепенно могут быть преобразованы в постиндустриальные *агломерации*, оказывающие диффузное, проникающее инновационное влияние на более мелкие элементы городских сетей.

В контексте исчерпания пределов роста сырьевой экономики именно российские города оказываются недооцененным источником независимого от природной ренты экономи-

ческого развития. Подобная модель предполагает делегирование полномочий, последовательную децентрализацию правовой и финансовой модели российского федерализма, сокращение объемов изымаемых и перераспределяемых государством ресурсов на уровне местного самоуправления. В качестве побочного эффекта эта стратегия, безусловно, усилит конкуренцию, социальное и региональное расслоение. Однако представляется, что кумулятивные эффекты развития, связанные с сокращением внешних властно-политических ограничений для городских сообществ и освобождением их человеческого и социального капитала, будут в долгосрочной перспективе неизмеримо выгодней для российского общества в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абрамова И.О. (2013) Урбанизация в Африке: двигатель или тормоз экономического роста? // Азия и Африка сегодня. № 8. С. 2–9.
- Бек У. (2008) Космополитическое мировоззрение. М.: Центр исследования постиндустриальных обществ.
- Брагина Е.А. (2009) Урбанизация в развивающихся странах: современный этап // География мирового развития / Под ред. Л.М. Синцерова. М.: Товарищество научных изданий КМК. С. 202–219.
- Дэвис М. (2008) Планета трущоб // Логос. №3. С. 108–129.
- Заяц Д.В. (2002) Изменения политической карты мира с 1901 по 2001 г. // География. № 17. С. 5–25.
- Криничанский К.В. (2013) Современный российский город в свете тенденций урбанистического мира // Региональная экономика: теория и практика. № 32. С. 2–13.
- Мартынов В.С. (2016) Социальная стратификация современных обществ: от экономических классов к рентным группам? // Социологические исследования. № 10. С. 139–148.
- Мартынов В.С., Руденко В.Н. (2012) Российские мегаполисы: от индустриальных городов к стратегии многофункциональных агломераций // Научный ежегодник Института философии и права УрО РАН. Вып. 12. С. 316–330.
- Миланович Б. (2014) Глобальное неравенство доходов в цифрах: на протяжении истории и в настоящее время. М.: Изд. дом ВШЭ.
- Молчанова Н.Ю., Татаркин А.И. (2012) Концептуальный подход к финансовому обеспечению саморазвития территорий // Журнал экономической теории. № 4. С. 132–138.
- Нехорошев В.В., Сухарев О.С. (2011) Закон Вагнера и модели развития экономики // Экономический анализ: теория и практика. № 21. С. 2–10.
- Панкевич Н.В. (2013) Политическая стратегия российской урбанизации: от мировых городов к национальной сетевой платформе // ПОЛИС. №1. С. 72–85.
- Панкевич Н.В. (2012) ТНК: гражданско-политический контроль в условиях денационализации // Мировая экономика и международные отношения. № 3. С. 34–42.
- Путин В.В. (2018). Послание Президента Федеральному Собранию (<http://kremlin.ru/events/president/news/56957>)
- Слука Н.А. (2005) Градоцентристическая модель мирового хозяйства. М.: Пресс-Соло.
- Стэндинг Г. (2014) Прекариат: новый опасный класс. Москва: Ad Marginem.
- Терборн Й. (2013) Как понять города: современный кризис и идея городов без государства // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. XVI. № 1. С. 20–40.
- Трейвиш А. И. (2009) Город, район, страна и мир: развитие России глазами страноведа. М.: Новый хронограф.
- Фалина А. С. (2012) Сервисное государство: истоки теории, элементы практики // Социология власти. № 1. С. 132–140.
- Федеральная антимонопольная служба. Доклад о состоянии конкуренции в Российской Федерации (2016) (<https://fas.gov.ru/attachment/152253/download?1514223603>)
- Фридман Т. (2007) Плоский мир. Краткая история XXI века. М.: Хранитель.
- Хантингтон С. (2003) Столкновение цивилизаций. М.: АСТ.
- Хардт М., Негри А. (2004) Империя. М.: Практис.
- Штадельбауэр Й. (2007) Мегагорода как конфликтогенные пространства // Глобальный город: теория и реальность / Под ред. Н.А. Слуки. М.: ООО “Аванглион”. С. 66–78.
- Cox W. (2015) World Megacities: Densities Fall as they Become Larger. (<http://www.newgeography.com/content/004835-world-megacities-densities-fall-they-become-larger>).

- Geyer H., Kontuly T. (1993) A Theoretical Foundation for the Concept of Differential Urbanization // International Regional Science Review, Vol. 15, No. 2. Pp. 157–177.
- Gibbs J. (1963) The Evolution of Population Concentration // Economic Geography. No. 2. Pp. 119–129.
- Sassen S. (2001) The Global City. New York, London, Tokyo. Princeton: Princeton Univ. Press.
- World cities in a world-system / Eds. Knox P.L., Taylor P.J. (1995) Cambridge: Cambridge Univ. Press.

The cities and states: in search of a new strategy of interaction

V. MARTIANOV*

***Martianov Viktor** – Deputy Director, Institute of Philosophy and Law, Russian Academy of Sciences (Ural Branch). Address: S. Kovalevskaya str., 16. 620990, Ekaterinburg, Russian Federation. E-mail: martianov@rambler.ru

Abstract

The formation of modern political world map consisting of nation-states, led to a decrease in political and economic influence of the cities with their subsequent incorporation into power verticals of nation-states at the level of local self-government. However, globalization processes and later urbanization give a new economic and political rise to the of the world megacities networks. The world economy is increasingly transforming into the economy of cities, producing 70% of global GDP and generating 80% of world economic growth. Their resource networks and communications become an effective infrastructure and management alternative to ever-shattering states. At the same time, a detailed statistical analysis shows the ambiguity of world urbanization. It is necessary to revise the coexistence formats of increasingly influential megacities and territorial models of the management of specific states. Specific models of the equilibrium of networks of cities and states will be seriously corrected by their position in the world economy.

Keywords: megapolis, global city, urban network, urban economy, contradictions of urbanization, world-economy, nation-state, social capital, deterritorialization, inequality.

REFERENCES

- Abramova I.O. (2013) Urbanizatsiya v Afrike: dvigatel' ili tormoz ekonomicheskogo rosta? [Urbanization in Africa: the Engine or Brake of Economic Growth?]. *Aziya i Afrika segodnya*, no. 8, pp. 2–9.
- Beck U. (2008) *Kosmopoliticheskoe mirovozzrenie* [Cosmopolitan Vision]. Moscow: Tsentr issledovaniy postindustrialnykh obshchestv.
- Bragina E.A. (2009) Urbanizaciya v razvivajushchihsya stranah: sovremennyj etap [Urbanization in the developing Countries: the modern Stage]. *Geografiya mirovogo razvitiya*. Ed. L.M. Sintserova]. Moscow: Tovarishchestvo nauchnykh izdaniy pp. 202–219.
- Cox W. (2015) *World Megacities: Densities Fall as they Become Larger* (<http://www.newgeography.com/content/004835-world-megacities-densities-fall-they-become-larger>).
- Davis M. (2008) Planeta trushchob [Planet of Slums]. *Logos*, no. 3, pp. 108–129.
- Falina A. S. (2012) Servisnoe gosudarstvo: istoki teorii, elementy praktiki [Service State: Origins of Theory, Elements of Practice]. *Sotsiologiya vlasti*, no. 1, pp. 132–140.
- The Federal Antimonopoly Service. Doklad o sostoyanii konkurentsi v Rossiyskoy Federatsii [Report on the state of competition in the Russian Federation] (2016) (<https://fas.gov.ru/attachment/152253/download?1514223603>).
- Friedman T. (2007) *Ploskiy mir. Kratkaya istoriya XXI veka* [The World Is Flat: A Brief History of the Twenty-first Century]. Moscow: Khranitel'.
- Geyer H., Kontuly T. (1993) A Theoretical Foundation for the Concept of Differential Urbanization. *International Regional Science Review*, vol. 15, no. 2, pp. 157–177.
- Gibbs J. (1963) The Evolution of Population Concentration. *Economic Geography*, no. 2, pp. 119–129.
- Hardt M., Negri. A. (2004) *Imperiya* [Empire]. Moscow: Praksis.
- Huntington S. (2003) *Stolknovenie tsivilizatsii* [Clash of Civilizations]. Moscow: AST.
- Krinichansky K.V. (2013) Sovremenniy rossiyskiy gorod v svete tendentsiy urbanisticheskogo mira [The modern Russian City in the Light of Tendencies of the Urban World]. *Regionalnaya ekonomika: teoriya i praktika*, no. 32, pp. 2–13.

- Martyanov V.S. (2016) Sotsial'naya stratifikatsiya sovremennoykh obshchestv: ot ekonomicheskikh klassov k rentnym gruppam? [Social Stratification of Modern Societies: from Economic Classes to Rental Groups?]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya*, no. 10, pp. 139–148.
- Martyanov V.S. Rudenko V.N. (2012) Rossiiskie megapolisy: ot industrial'nykh gorodov k strategii mnogofunktional'nykh aglomeratsii [Russian Cities: from Industrial Cities to the Strategy of the Multifunctional Agglomerations]. *Nauchnyi ezhegodnik Instituta filosofii i prava UrO RAN*, vol. 12, pp. 316–330.
- Milanovic B. (2014) *Global'noe neravenstvo dohodov v cifrah: na protjazhenii istorii i v nastojashhee vremja* [The Global Income Inequality: in the History and the Today]. Moscow: HSE.
- Molchanova N.Yu., Tatarkin A.I. (2012) Kontseptual'niy podkhod k finansovomu obespecheniyu samorazvitiya territoriy [Conceptual Approach to Financial Support for Self-Development of Territories]. *Zhurnal ekonomicheskoy teorii*, no. 4, pp. 132–138.
- Nekhoroshev V.V., Sukharev O.S. (2011) Zakon Vagnera i modeli razvitiya ekonomiki [Wagner's Rule and Model of Economic Development]. *Ekonomicheskiy analiz: teoriya i praktika*, no. 21, pp. 2–10.
- Pankevich N.V. (2013) Politicheskaya strategiya rossiiskoy urbanizatsii: ot mirovykh gorodov k natsional'noy setevoy platforme [Political Strategy of Russian Urbanization: from World Cities to a National Network Platform]. *Polis*, no. 1, pp. 72–85.
- Pankevich N. V. (2012) TNK: grazhdansko-politicheskii kontrol' v usloviyakh denatsionalizatsii [TNC: denationalization and civil and political control]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*, no. 3, pp. 34–42.
- Putin V.V. (2018) *Poslaniye Prezidenta Federal'nomu Sobraniyu* [The President's Address to the Federal Assembly]. (<http://kremlin.ru/events/president/news/56957>).
- Sassen S. (2001) The Global City. New York, London, Tokyo. Princeton: Princeton Univ. Press.
- Sluka N.A. (2005) *Gradocentricheskaya model' mirovogo hozyaystva* [The City building model of the World Economy]. Moscow: Press Solo.
- Shtadelbauer J. (2007) Megagoroda kak konfliktogennoye prostranstvo [The Megacities as a Conflict-Space]. *Global'nyy gorod: teoriya i real'nost'*. Red. N.A. Sluka [The Global City: Theory and Reality. Ed. Sluka N.A.]. Moscow: OOO "AVANGlion", pp. 66–78.
- Standing G. (2014) *Prekariat: noviy opasniy klass* [Precariat: New dangerous class]. Moscow: Ad Marginem.
- Terborn I. (2013) Kak ponyat' goroda: sovremennyy krisis i ideya gorodov bez gosudarstva [How to understand the city: the current crisis and the idea of cities without a state]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii*, vol. XVI, no. 1, pp. 20–40.
- Treibish A.I. (2009) *Gorod, raion, strana i mir: razvitiye Rossii glazami stranoveda* [City, Region, Country and the World: the Development of Russia through the Eyes of Geographer]. Moscow: New Chronograph.
- World cities in a world-system*. Eds. Knox P.L., Taylor P.J. (1995) Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Zayac D.V. (2002) Izmeneniya politicheskoy karty mira s 1901 po 2001 gg. [The Changes in the Political Map of the World from 1901 to 2001]. *Geografiya*, no. 17, pp. 5–25.

© В. Мартынов, 2019